

Д. П. БОГДАН

О некоторых современных вопросах славянской палеографии

Учитывая, что графика является основой человеческой цивилизации, можно понять, почему среди так называемых (по традиции) вспомогательных исторических дисциплин палеография занимает первое место. Ибо эта дисциплина изучает зарождение и эволюцию графики, на основании ее определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение «подлинности источников», как совершенно справедливо утверждал М. Н. Тихомиров.¹

Ниже мы остановимся на нескольких главных вопросах современной славянской и связанной с ней румыно-славянской палеографии.

1. ПРЕДМЕТ ПАЛЕОГРАФИИ

Сравнительно с греческой и латинской палеографиями славянская палеография не исследовалась столь глубоко ни в прошлом, ни в наши дни. Не случайно, что о самом предмете этой дисциплины три корифея русской палеографии — А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский и В. Н. Щепкин — высказываются по-разному. Соболевский пишет следующее: «Задача палеографии заключается в том, чтобы на основании данных рукописей датированных (в которых означено время и место, когда и где они написаны) определять время и место написания рукописей недатированных... Сверх того, палеография может давать указания на особенности оригинала, к которому восходит рукопись, и отвечать на вопрос о происхождении текста, находящегося в рукописи».² Карский, напротив, указывает: «Палеография относится к области дисциплин археологических... Она занимается исследованием происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего относящегося к последним: материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. п.». Затем, уточнив, что кирилловская палеография занимается только рукописями, написанными кириллицей, он добавляет, что в его книге «внимание будет сосредоточено главным образом на рассмотрении старинных рукописей (Карский заканчивает исследование XVIII веком, — Д. Б.), на указании способов чтения их, отличия подлинности их и точного определения времени, когда они написаны».³

¹ М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — ВИ, 1961, № 4, стр. 67.

² А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 19—20.

³ Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901, стр. 3—4. Такую же точку зрения автор излагает в работе «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928).

Зато Щепкин высказывается очень кратко: «Палеография есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследующая письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их возникновения».⁴

Точку зрения Щепкина разделяет и Н. В. Степанов, опубликовавший в 1940 г. «Учебный палеографический альбом».⁵

Известный медиевист Л. В. Черепнин до 1956 г. считал, что «палеография изучает главным образом рукописные книги; изучение всех рукописных документов (дипломатических, юридических и др.) относится к области дипломатики».⁶ Эта точка зрения была справедливо опровергнута А. Т. Николаевой.⁷ В работе, выпущенной в 1956 г., Л. В. Черепнин уточняет, что «палеография — это одна из вспомогательных исторических дисциплин, изучающая внешние признаки рукописных памятников»,⁸ добавляя, однако, что основные практические задачи палеографии «решаются прежде всего на основе анализа содержания рукописей. Изучение же внешних признаков рукописей дает лишь дополнительный материал для решения поставленных вопросов».⁹ Эту последнюю точку зрения справедливо критиковали советские исследователи Л. П. Жуковская¹⁰ и М. В. Кукушкина.¹¹

Утверждениям Л. В. Черепнина можно противопоставить и мнение Ж. Маллона, который заявляет следующее: «Предметом палеографии является внешняя форма текстов, тогда как сами тексты, их историческое содержание, их филологическая сторона хотя и имеют для палеографии определенное значение, но (только) вспомогательное».¹²

Л. П. Жуковская, показав, что палеография изучает графемы и их эволюцию, а также графический материал и орудия письма, отмечает, что установление языка, на котором написан изучаемый текст, и использованного алфавита является предварительным условием любого палеографического исследования.¹³ Это утверждение едва ли справедливо, поскольку язык относится к внутренним чертам, не входящим в ведение палеографии. М. В. Кукушкина, напротив, показывает совершенно точно, что именно является предметом палеографии.¹⁴

Но если, например, Е. Ф. Карский и наряду с ним Н. М. Каринский включают в предмет палеографии и исследование подлинности текстов (конечно, только с графической точки зрения),¹⁵ то Л. П. Жуковская опровергает это утверждение,¹⁶ как и утверждение, касающееся чтения старых рукописей, справедливо критикуемое М. В. Кукушкиной,¹⁷ ссылаясь

⁴ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 12.

⁵ См.: Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963, стр. 99.

⁶ См.: БСЭ, изд. 2-е, т. 31, стр. 583.

⁷ А. Т. Николаева. Некоторые вопросы вспомогательных исторических дисциплин. — ИА, 1956, № 2, стр. 218.

⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 3.

⁹ Там же, стр. 18.

¹⁰ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹¹ М. В. Кукушкина. Советская палеография. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, I. Л., 1968, стр. 76.

¹² Jan Mallon. Paléographie romaine. — In: L'Histoire et ses méthodes (Encyclopédie de la Pléiade), Brugge, 1957, p. 557.

¹³ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹⁴ М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 76.

¹⁵ Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 5.

¹⁶ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹⁷ М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 3.

при этом на «Русскую палеографию» М. Н. Тихомирова и А. В. Муравьева.¹⁸

Точка зрения автора данных строк осталась неизменной с 1956 г.¹⁹ Этот же вопрос затрагивает палеограф Э. Выртосу, который считает, что «палеография ограничила поле своей деятельности только расшифровкой текстов. Следовательно, и румыно-кирилловская палеография, действуя таким же образом, будет заниматься лишь расшифровкой и транскрипцией текстов — актов, рукописей, печатных книг, надписей и заметок, то есть займется нарративными источниками, дипломатическими источниками и всякими другими письменными источниками».²⁰ Таким образом, автор сначала утверждает, что предметом палеографии является только расшифровка текстов, что неверно, а затем заявляет, что палеография занимается и принципами их воспроизведения, что опять-таки неправильно, поскольку транскрипция текстов относится к области эдиционной техники.

Следует отметить и следующий факт: советские палеографы относят к палеографическим текстам не только написанные чернилами источники, но и те, которые начертаны на бересте металлической или костяной заостренной палочкой.²¹

Определенную точку зрения представляет также и включение в предмет русской палеографии текстов XIX и XX вв.; этот вопрос три десятилетия назад был поднят И. Ф. Колесниковым.²² Л. В. Черепнин, присоединяясь к мнению Колесникова, пишет: «Может быть, наряду с термином „палеография“ закономерно ввести в научный оборот термин „неография“, обозначая им вспомогательную дисциплину, изучающую внешние признаки рукописных памятников с XIX примерно века, когда письменность приобретает ряд новых черт».²³ Для этой же дисциплины в применении к XIX в. П. Н. Берков предлагал название «неотерография» от греческого слова *νέωτερος*²⁴ — «более новый, современный».

По мнению академика М. Н. Тихомирова, палеография занимается не только рукописными текстами, но и печатными и машинописными;²⁵ однако он не применяет по отношению к этим последним термин «неография».

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАГОЛИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

Фундаментальным вопросом славянской палеографии является происхождение глаголического алфавита. В связи с тем, что от времен Кирилла и Мефодия не сохранилось никаких источников, а также из-за скудости

¹⁸ М. Н. Тихомиров и А. В. Муравьев. Русская палеография. М., 1966, стр. 3.

¹⁹ См.: Damian P. Bogdan. Din paleografia slavo-română. Documento privind istoria României. București, 1956, p. 82. Ср. также: Compendiu al paleografiei româno-slave, I, București, 1969, p. 3.

²⁰ Emil Vîrtosu. Paleografia româno-chirilică. București, 1968, p. 11.

²¹ См.: М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 79.

²² И. Ф. Колесников. 1) Палеография документальной (архивной) письменности. — Архивное дело, М., 1939, № 4/52; 2) Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для исторической и архивной работы. — Там же, 1940, № 2/54. См.: М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 81—82.

²³ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 574.

²⁴ П. Н. Берков. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 37.

²⁵ См.: ВИ, 1960, № 3, стр. 189; Археографический ежегодник за 1959 г., М., 1960, стр. 353; М. Н. Тихомиров и А. В. Муравьев, Русская палеография, стр. 3.

последующих источников, происхождение этого алфавита вызвало свыше сорока гипотез,²⁶ среди которых господствующее место занимает гипотеза о происхождении глаголического алфавита от греческого курсивного письма, предложенная известным английским палеографом И. Тейлором и развитая впоследствии выдающимся славистом В. Ягичем; в науке эта гипотеза получила название теории Тейлора—Ягича.²⁷ Сегодня гипотеза Тейлора—Ягича опровергнута Е. Э. Гранстром,²⁸ как и превосходной работой А. Вайана,²⁹ опиравшегося на наблюдения А. Ральфса.³⁰ Но поистине удивительно, что труд А. Вайана не только не был проанализирован, но даже и не цитировался такими компетентными представителями славистики, как, например, И. Вашица,³¹ Д. Радойчиц³² и А. Достал,³³ которые продолжают придерживаться старой теории Тейлора—Ягича.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИРИЛЛОВСКОГО АЛФАВИТА

Проблемой является и происхождение кирилловского алфавита. Согласно одной из гипотез, предложенной выдающимся палеографом И. П. Срезневским, кирилловский алфавит предшествует глаголическому.³⁴

К данной гипотезе присоединился в 1936 г. и болгарский ученый Е. Георгиев.³⁵ Нам кажется наиболее достоверной гипотеза, выдвинутая в 1932 г. болгарским ученым К. Миятевым, согласно которой кирилловские графемы прописных букв происходят от греческих надписей болгарских ханов.³⁶ Этой же точки зрения придерживается А. Вайан, независимо, однако, от гипотезы Миятева.

Несколько замечаний относительно терминологии.

В славянской палеографии начинают использоваться некоторые названия из греческой и латинской палеографий. Так, о наличии в кирилловской румыно-славянской палеографии минускульного письма писал еще в 1861 г. румынский писатель и ученый А. И. Одобеску.³⁷ Византийским курсивным и минускульным письмом в русских рукописях второй половины XV в. и первой половины следующего века занимался М. Н. Сперанский.³⁸

²⁶ См.: Damian P. Bogdan. La vie et l'oeuvre des frères Constantin-Cyrille et Methode. — *Κυρίλλω και Μεθοδίω τόμος ἐορτίς ἐπὶ τῇ 1100 ἐτηρίδι*, т. II. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1968, с. 44.

²⁷ Там же, стр. 45.

²⁸ Е. Э. Гранстром. 1) К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — *ГОДРЛ*, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 427—442; 2) К вопросу о византийском минускуле. — *ВВ*, т. XIII, М., 1956, стр. 222—245.

²⁹ André Vaillant. L'alphabet vieux slave. — *Revue des études slaves*, т. 32, 1955, pp. 7—31.

³⁰ Arnold Rahlfs. Zur Frage nach Herkunft des glagolischen Alphabets. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, XLV, 1913, SS. 285—287.

³¹ Josef Vašica. Literární památky epochy Velkomoravske 863—885. Praha, 1966, pp. 14—19.

³² Djordje Sp. Radojičić. Traditions cyrillo-methodiennes chez les Serbes. — *Κυρίλλω και Μεθοδίω τόμος ἐορτίς ἐπὶ τῇ 1100 ἐτηρίδι*, т. I, 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1966, с. 197.

³³ Antonin Dostal. La tradition cyrillo-methodienne en Moravie. — *Ibid.*, pp. 153—182.

³⁴ Damian P. Bogdan. La vie et l'oeuvre des frères Constantin-Cyrille et Methode, pp. 46—47.

³⁵ Там же, стр. 47.

³⁶ К. Миятев. Кржглата църква в Преслав. София, 1932, стр. 157.

³⁷ A. I. Odobescu. Despre unele manuscrise șicărți tipărite aflate în mănăstirea Bistrita (Districtul Vâlcea în România). — *Revista Română pentru științe literare și arte*, I, București, 1861, p. 709.

³⁸ М. Н. Сперанский. «Греческое» и «лигатурное» письмо в русских рукописях XV—XVI вв. — *Byzantinoslavica*, IV, Praha, 1932, стр. 58—64, с факсимиле. Нам

Обсуждались и названия типов письма — устав, полуустав и скоропись, обозначающие три графических этапа: унциальный, полуунциальный и курсивный. Так, еще 12 мая 1901 г. в сообщении «Новые работы по славянской палеографии», прочитанном в славянской комиссии Московского археологического общества, известный славист А. И. Яцимирский выступил против неточности (имеющей место и у Соболевского) в разделении графики на устав, полуустав и скоропись, потому что в таком случае, добавлял автор сообщения, можно говорить об одновременном существовании скорописи и устава в период с XI по XVIII в.³⁹ В связи с этим Яцимирский пишет, что для румыно-славянских текстов он не использует термины «устав» и «полуустав», поскольку ни тот, ни другой не охватывают всех особенностей графики молдо-влахийского письма.⁴⁰

Вопрос о терминологии кирилловской графики был предметом исследований известного палеографа В. Гардтгаузена,⁴¹ который утверждал, что в основе кирилловского алфавита лежит новое, или литургическое, византийское унциальное письмо. Однако его мнение, что соответствующий тип письма включается в графическую четырехлинейную систему, т. е. письмо ограничено четырьмя воображаемыми горизонтальными линиями,⁴² несостоятельно. То обстоятельство, что только несколько букв выступают за рамки строки, представляет собой исключение из общего правила, так что новое унциальное письмо входит в состав двухлинейной графической системы, состоящей из двух воображаемых параллельных горизонтальных линий.⁴³

Терминологией типов письма занимались и югославские ученые-палеографы Г. Чремошник⁴⁴ и В. Мошин.⁴⁵ Первый выступал за принятие латинской терминологии, а второй — за сохранение русских средневековых названий: устав, полуустав и скоропись. Первый тип, согласно Мошину, представляет собой регулярное письмо, а второй — полурегулярное. Однако это утверждение несостоятельно. Мы поддерживаем предложение Чремошника о введении из греческой и латинской палеографий терминов «унциальное», «полуунциальное» и «курсивное» письмо. Кстати, такой же точки зрения придерживался и известный советский исследователь А. Г. Шицгал, который отмечал ограниченность классификации славянских кирилловских график (разделение на устав, полуустав и скоропись) и предлагал обратиться к аналогичной классификации графики в латинской палеографии. Исходя из данных латинской палеографии, Шицгал предлагает следующие принципы классификации славянской кирилловской графики: 1) связь любого письма с точным историческим периодом;

кажется поистине удивительным то обстоятельство, что ни в работе известного советского палеографа А. Т. Николаевой (*Русская палеография*, М., 1956), ни в книге Л. В. Черепнина «Русская палеография» не только не принимаются во внимание предпосылки Сперанского, но даже и сама его работа не цитируется.

³⁹ Ср. резюме сообщения в кн.: Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества, т. III, 1902, стр. 45.

⁴⁰ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — *СОРЯС*, т. 79, СПб., 1905, стр. XXXIII—XXXIV.

⁴¹ В. Гардтгаузен. Греческое письмо IX—X столетий. — *Энциклопедия славянской филологии*, вып. 3, СПб., 1911, стр. 1 и сл.

⁴² Любопытно, что точка зрения Гардтгаузена не только не была рассмотрена специалистами в области кирилловской палеографии — Карским и Черепниным, но даже не была упомянута.

⁴³ См.: Damian P. Bogdan. *Compendiu al paleografiei româno-slave*, II. București, 1969.

⁴⁴ Gregor Čremošnik. *Studije iz srpske paleografije i diplomatike*. — *Glasnik skopskog naučnog društva, Otdelene društvenih nauka*, 21, Skopje, 1940, pp. 1—8.

⁴⁵ Vladimir Mošin. *Metodološke bilješke o tipovima pisma u cirilici 15—16 v.* — *Slovo*, 15, Zagreb, 1965, pp. 150—182.

2) разделение график по функциональным особенностям.⁴⁶ Но Л. В. Черепнин, подробно рассмотрев точку зрения Шицгала, утверждает, что предложенное этим последним механическое применение к славянским алфавитам наблюдений из области латинской палеографии не может быть принято.⁴⁷ Австрийский ученый Экардт Торви, напротив, высказался за применение терминологии, принятой в латинской палеографии.⁴⁸

Мы стоим за использование терминов «унциальное» и «курсивное» письмо, воспринятых греческой палеографией из латинской; во всяком случае эти термины полностью соответствуют кирилловской палеографии, поскольку кирилловский алфавит происходит из греческого. К вышесказанному можно добавить, что латинские термины — «унциальное», «полуунциальное» и «курсивное» письмо — встречаются, например, в знаменитом каталоге «*Soupis staroslovanskych rukopisu Národního Musea v Praze*», составленном учеными Й. Вашицей и И. Вайсом.

Упомянем, наконец, о случае использования в терминологии графических типов названия «полуунциальное минускульное письмо»⁴⁹ для обозначения полуунциального письма с мелкими буквами, что приводит к терминологической путанице.

Ряд палеографов, в частности А. И. Срезневский, Е. Ф. Карский и В. Н. Щепкин, утверждают, что только при помощи графики можно датировать текст, на котором отсутствует дата. Однако более глубокое рассмотрение фактов позволяет прийти к выводу, что наблюдений над графикой недостаточно для датировки текста. Только учет и согласование всех данных, всех внешних и внутренних особенностей текста — графики со всеми ее характерными чертами, материала, на котором был написан текст (когда речь идет о бумаге с водяными знаками), языка, орфографии и содержания — дают возможность получить реальное представление о дате памятника, подвергнутого анализу.

⁴⁶ А. Г. Шицгал. Графическая основа русского гражданского шрифта. М.—Л., 1947, стр. 16—34.

⁴⁷ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 71.

⁴⁸ Eckhardt Thorvi. Ustav Glossen zur palaographischen Terminologie. — Wiener Slawistischer Jahrbuch, 1955, 4, SS. 130—146; Gregor Čremošnik. Die serbische diplomatische minuskel. — Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, III, Graz—Köln, 1959, SS. 103, 115.

⁴⁹ Vladimír Mošín. Metodološke bilješke. . . , pp. 150—182.